

Огромная эвристическая ценность феноменологического подхода в культурной географии заключается в том, что он позволяет избежать крайностей социального (а то и социоприродного) редукционизма при изучении пространственной дифференциации культуры. Это особенно актуально для отечественной географии, поскольку в ней культура зачастую интерпретировалась как нечто не самостоятельное, но вторичное, производное, обусловленное внешними факторами (физико-географическими, социально-экономическими, политико-идеологическими и т. д.). Да и сами географические описания культурных комплексов выполнялись при этом в значительной степени формально. От исследователя ускользало главное в культуре – процессы смыслообразования, закрепления и «трансляции» смыслов во времени и пространстве.

В последние десятилетия XX в. в корне изменился взгляд даже на, казалось бы, традиционные для культурной географии аспекты исследования, в частности на проблему взаимоотношений между жизнедеятельностью людей и окружающей средой. В центре внимания культур-географов теперь оказались не «объективные» параметры данных взаимосвязей, а прежде всего сюжеты, характеризующие отношение тех или иных социальных общностей к среде их обитания, ценностные ориентации социальных групп, роль мировоззренческих, религиозных, этических парадигм в процессах «освоения» (причем не только и не столько материального, сколько ментального) ими географического пространства.

1.1.3.

:

-

?

Г. А. Фоменко

Современный аппарат культурно-географических исследований находится в стадии становления. До недавнего време-

ни воздействие культуры на развитие стран и народов оценивалось исключительно качественными методами, однако в последние десятилетия наметился прорыв в количественном измерении влияния социокультурных факторов на поведение людей. Одним из перспективных направлений в данном аспекте следует назвать расширение применения инструментария этнометрии, которая реализует идею о том, что ценность может быть распределена по измерениям культуры. Наибольшее распространение получили подходы, предложенные Г. Хофстеде, которого заслуженно считают основоположником этнометрии, в дальнейшем модифицированные Р. Инглхартом, Р. Хоузом и др. (Hofstede, 1980; Inglehart 1990; House, 1999).

Инструментарий этнометрии (например, шесть культурных индексов Г. Хофстеде, дополненные индексом «стабильность прав собственности») (Фоменко, 2014) позволяет измерять влияние социокультурных факторов на развитие институциональных систем, в том числе в природоохранной сфере, что позволяет глубже понять основу природоохранной деятельности на той или иной территории, оценить влияние культур на решение экологических проблем, уточнить и расширить представления об институциональных ограничениях и тенденциях развития природоохранных институциональных систем и, на этой основе, определить диапазон приемлемых решений для распорядителей ресурсов. Это открывает новые возможности в исследовании территориальных институциональных систем, включая оценку их состояния и динамики развития, лучшее понимание исторических предпосылок и культурных основ. В прикладном аспекте становится возможным: (1) уточнение социокультурных факторов, от которых зависит результативность применения тех или иных природоохранных институтов в конкретных обществах; (2) выявление, в сопоставимых индикаторах, влияния культур на экологическую устойчивость; (3) определение диапазона выбора приемлемых решений в сфере природопользования, а также пределов установления природоохранных ограничений и регламентаций развития социоприродных систем, обусловленных ценностными установками, доминирующими в том или ином обществе.

Зависимость природоохранных институциональных изменений от культурных индексов носит, безусловно, весьма общий характер, поэтому применение универсальной шкалы ценностей к оценке поведения людей требует осмотрительности. В каждом конкретном случае целесообразно исходить из особенностей сложившейся ситуации, рассматривая культурные измерения только как индикаторы, помогающие оценить культурную среду для облегчения принятия решений. Важно также учитывать, что социокультурные индексы не могут предсказать поведение отдельных лиц с учетом личностных особенностей каждого конкретного человека. Следует принимать во внимание и существенную региональную дифференциацию социокультурных условий России, особенно глобальный процесс нарастания поведенческих различий между жителями крупных городов (постиндустриальные тенденции) и сельским населением.

Целесообразно, рассматривая любое институциональное заимствование (из собственной истории, чужого опыта или теории), выявить, насколько исторически обусловленный путь и сложившийся тип личности ограничивают и регламентируют институциональные изменения; иными словами, определить диапазон выбора социокультурно приемлемых решений на всех уровнях территориальной организации и возможность ее институционального расширения в связи с постиндустриальным переходом, а также определить характер, содержание и институциональные ограничения заимствованных институтов таким образом, чтобы не утратить культурной идентичности и самобытности.

1.1.4. Каковы новые концептуальные подходы и точки роста географических исследований культуры?

Т. И. Герасименко

Культурная география как отрасль знания, формирующаяся на стыке наук, использует общенаучные теоретико-методологические подходы и концепции, междисциплинарные, соб-